

В один миг Гэ Хуань оказался в самом центре внимания, кожей ощущая направленные на него со всех сторон недобрые, колющие взгляды. Деваться было некуда, и он медленно поднял голову. Собственный жалкий, оборванный вид вызывал у окружающих лишь безразличность — впрочем, скрывать тут было нечего, он и сам испытывал к себе в эту минуту глубокое отвращение. Посмотреть на Цзисин-цзы он так и не осмелился: испуганно бегал глазами, не находя прикаяния.

— Это... это я сам, случайно... упал, — пробормотал он, шевеля сухими, потрескавшимися губами.

В храме воцарилась тишина. Подобному оправданию не поверил бы никто — ложь была шита белыми нитками.

«Неужели его травят соученики, а он просто боится признаться?» — пронеслось в голове Цзисин-цзы.

В прежней жизни ему самому довелось столкнуться с травлей в школе. Тогда он мог лишь проливать слезы из-за собственной слабости и неспособности дать отпор. В ордене Цзюньшань хватало всякого сброда, а Гэ Хуань, наивный и бестолковый, наверняка стал легкой мишенью для издевательств и теперь молча глотал обиду.

Мужчина в серебряной маске со вздохом покачал головой. Он не ожидал от юноши столь неумелой лжи.

— Хуань-хуань, крошка моя, — протянул он, — с твоей стороны было бы куда убедительнее свалить все на меня. Скажи просто, что это я тебя избил.

Фэн Цзыянь не проронил ни слова. Он тихо лежал на носилках, прикидываясь полумертвым, хотя на душе у него скребли кошки: каждое слово, звучавшее под сводами зала, отзывалось в его сердце паническим страхом.

— Гэ Хуань, не бойся, — мягко, но с едва уловимой стальной угрозой в голосе произнес Цзисин-цзы. — Расскажи, кто посмел поднять на тебя руку. Твой наставник накажет виновного, кем бы он ни был.

Окружающие притихли. Ученики переглядывались в крайнем изумлении, не веря собственным ушам: неужели Почтенный Поздняя Звезда способен говорить столь мягко? Для них он всегда оставался далеким светилом — холодным, неприступным и гордым божеством, к которому смертным не то что прикоснуться, даже приблизиться страшно. Обычно при виде его все сжимались от страха и старались держаться как можно дальше.

Старейшины вместе с главой ордена тоже удивленно переглянулись. Каждый из них невольно поймал себя на мысли, что Цзисин-цзы разительно изменился. В нем наконец-то проснулось хоть что-то человеческое, раз он так рьяно бросился защищать собственное чадо!

— Поздняя Звезда, к чему такая строгость? — вполголоса заметил Лань Чжэньтянь, стараясь говорить тихо, хотя его слова все равно разнеслись по залу. — Царапины сущие пустяки, не стоит устраивать сцену при всех. Если так важно, расспроси его позже, с глазу на глаз.

Цзисин-цзы даже не взглянул на главу ордена. Его взор, устремленный на толпу учеников у подножия возвышения, обдал всех холодом.

— Запомните раз и навсегда: никто не смеет безнаказанно обижать ученика Цзисин-цзы, — отчеканил он, и его голос разнесся под сводами, заставляя присутствующих содрогнуться. — Иначе виновный заплатит за это в десятикратном размере.

Затем он снова повернулся к юноше и уже гораздо мягче добавил:

— Говори, Гэ Хуань. Ничего не бойся.

Гэ Хуань не ожидал, что наставник проявит такое упорство. Все взгляды в зале теперь были прикованы исключительно к нему. Юноша заерзал, чувствуя себя как на раскаленных углях. В голове лихорадочно метались мысли: как выпутаться из этой ситуации? Неужели действительно согласиться с демоном-болтуном и свалить все на него?

Поняв, что уйти от ответа не удастся, Фэн Цзыянь после долгих колебаний решился во всем сознаться. К тому же стоявшие рядом соученики вовсю подавали ему знаки, толкая локтями в бок, — мол, признавайся сам, пока хуже не стало. Набравшись духу, он уже приготовился приподняться на носилках и принять удар судьбы.

Но в этот момент вперед неожиданно шагнул стоящий рядом юноша.

— Младшего брата Гэ избил я, — твердо произнес А-Цин.

Фэн Цзыянь ошарашенно вытаращил глаза.

Гэ Хуань в недоумении уставился на говорившего.

Мужчина в серебряной маске лишь тихо усмехнулся.

Гэ Хуань искренне не понимал, с чего вдруг А-Цин бросился грудью на амбразуру ради Фэн Цзыяня. Неужели они настолько близки, что первый готов добровольно подставить себя под удар ради спасения друга?

Почтенная Пяти Духов не на шутку встревожилась. Повернувшись к Цзисин-цзы, она поспешно заговорила:

— Поздняя Звезда, этого просто не может быть! Я головой ручаюсь, что А-Цин никогда бы не посмел поднять руку на твоего ученика. Мальчик от природы невероятно добр и всегда знает меру. Он физически неспособен на жестокость к соученикам.

Она сурово зыркнула вниз, на юношу:

— А-Цин, немедленно объяснись! Что за глупости ты говоришь?

Юноша низко склонил голову:

— Накосычил — отвечу сам. Простите меня, шицзунь.

При этом он незаметно, но крепко сжал руку лежащего на носилках Фэн Цзыяня, давая понять, чтобы тот помалкивал и не дергался, предоставив во всем разобраться ему.

Фэн Цзыяня захлестнула волна жгучего стыда и злости на самого себя. Мало того что у него не получилось подставить ненавистного Гэ Хуаня, так теперь еще и А-Цин огребет из-за него по полной программе! Внутренняя ярость по отношению к Гэ Хуаню взлетела до небес.

Гэ Хуань чувствовал, как колющие взгляды толпы буквально разрывают его потрепанные одежды на куски. Однако, решив не раздувать конфликт и подыграть А-Цину, он решил пойти навстречу. С него довольно этих бесконечных разборок — хотелось лишь одного: чтобы все поскорее закончилось и от него наконец отстали. Навалившаяся усталость сковала разум и тело.

— Старший брат А-Цин говорит правду, — подал голос Гэ Хуань. — Я сам попросил его о дружеском поединке. Скоро Собрание Героев, и мне очень хотелось превзойти в мастерстве Фэн Цзыяня... вот я и решил проверить свои силы в бою с А-Цином. Кто же знал, что я окажусь настолько слаб? Здесь нет ничьей вины. Прошу тебя, наставник, не наказывай его.

Цзисин-цзы слегка прищурил свои изящные фениксовые глаза:

— Вот как? Это правда?

Все присутствующие затаили дыхание. Больше всех за исход этой нелепой лжи переживал Фэн Цзыянь, у которого от страха сердце ушло в пятки, а по спине катился крупный холодный пот.

Гэ Хуань, стараясь не выдать волнения, тихо выдавил:

— Да.

Лин Мэй тут же облегченно рассмеялась, стараясь разрядить обстановку:

— Ну вот, я же говорила! Мой А-Цин никогда не станет распускать руки без причины. Обычное недоразумение, пустяки! Поздняя Звезда, не переживай, я лично пришлю твоему ученику самые лучшие целебные снадобья.

— Не нужно, — ледяным тоном отрезал Цзисин-цзы.

Понимая, что инцидент исчерпан, Лань Чжэньтянь поспешил вернуть себе бразды правления. Сделав строгое лицо, он весомо произнес:

— Раз уж все прояснилось, закроем тему. Фэн Цзыянь и его товарищи за поимку нечисти заслужили награду — каждый получит по стеблю травы ста духов. Самого же демона Святого Духа я лично заточу в Чистилище. Время позднее, всем разойтись и отдыхать.

Едва прозвучало последнее слово главы, как яркий луч золотого света обрушился на мужчину в серебряной маске, намертво сковывая его движения. Впрочем, демон даже не пытался сопротивляться, будто покорно ждал этого момента всю свою жизнь.

Гэ Хуань послушно плелся следом за наставником, опустив голову. Да, заступничество Цзисин-цзы перед всем орденом глубоко его тронуло, но теперь, когда он невольно подставил А-Цина, жизнь в ордене превратится в сущий ад. Разве что запереться на горе Возвращения и не показывать носа целый год.

— Гэ Хуань.

— Да, шицзунь?

Цзисин-цзы остановился. Он повернулся к юноше и, слегка склонив голову, мягко положил руку ему на плечо. В его глазах светилась безграничная, теплая нежность.

— Я ведь обещал тебе, что буду защищать, — тихо произнес он. — Тебе больше нечего бояться. Я знаю, через сколько испытаний тебе пришлось пройти. Знаю, как сильно ты напуган и как робеешь перед этим жестоким миром. Слишком долго ты пробыл на самом дне, во тьме, и неудивительно, что яркий свет сейчас слепит тебе глаза. Но я пытаюсь вытащить тебя оттуда, Гэ Хуань. Пожалуйста, не отталкивай мою руку. Прошлое осталось позади. Теперь ты мой ученик, и никто — слышишь? — никто больше не посмеет смотреть на тебя свысока или обижать. Посмотри, на кого ты похож... Я все время думаю: быть может, я сам в чем-то виноват перед тобой? Плохо забочусь, раз тебя до сих пор так легко задеть?

Гэ Хуань медленно поднял голову. В его глазах, подернутых влагой, отражались далекие

звезды, а в груди защемило от подступивших чувств. Этот человек, которого он считал бессердечным тираном, сейчас говорил самые прекрасные и искренние слова на свете. Каждая фраза была точно в цель, беря застарелые раны его израненной души.

Еще недавно он верил, что А-Цин — единственный, кому он небезразличен, но тот пожертвовал им ради Фэн Цзыяня. Цзисин-цзы же, книжный злодей и деспот, до сих пор не причинил ему ни малейшего вреда.

«Похоже, мне и впрямь досталась какая-то бракованная, фальшивая версия романа», — растерянно подумал юноша.

На его лице появилась мягкая улыбка — пожалуй, самая искренняя и светлая за все время, что он себя помнил.

— Наставник... Вы ни в чем не виноваты. Это я сам... просто глупый...

Цзисин-цзы потянулся к нему и осторожно стер кончиком пальца покотившуюся по щеке слезу, завороченно глядя в глубокие, как обсидиан, глаза юноши.

— Я лучше знаю, — шепнул он.

Внезапно перед глазами Цзисин-цзы вспыхнула яркая надпись.

[Внимание! Полезное уведомление от Непобедимой Роскошной Верховной Системы Трансмиграции в Книгу]

[Из-за ваших нетипичных для персонажа речей психологический портрет главного героя начал отклоняться от канонического сценария]

[Штраф: списано 500 очков репутации]

[Предупреждение: немедленно прекратите подобное поведение. В противном случае Система будет вынуждена принудительно отключить вас от сети]

Он почувствовал, как пальцы, касавшиеся щеки Гэ Хуаня, мгновенно одеревенели. Цзисин-цзы застыл. Что еще за принудительное отключение? Разве это не означает верную смерть прямо сейчас?

«Ты не предупреждала меня ни о каком принудительном выходе! — мысленно закричал он, обращаясь к Системе. — Ты же говорила, что максимум, чем я рискую, это навсегда остаться в этом мире!»

[В ходе плановой проверки было установлено, что в вашем исходном мире лимит вашей жизни уже исчерпан. По этой причине Система оставляет за собой право принудительного отключения]

«Как это умер?! Я?! От чего? И что теперь, я больше никогда не смогу вернуться назад?»

Он ведь прекрасно помнил, что перед переносом был полон сил и здоровья!

[В случае успешного выполнения сюжетных задач персонажа и при условии, что ваши очки репутации не упадут ниже нуля, вы получите право на перерождение]

Слава богу. От сердца немного отлегло.

«Спасибо... спасибо за предупреждение», — мысленно выдохнул он.

[Не стоит благодарности. Системе кажется, что у пользователя наблюдаются определенные сбои в умственной деятельности. Настоятельно рекомендуем чаще шевелить мозгами]

«...»

Гэ Хуань удивленно смотрел на внезапно застывшего наставника. Рука Цзисин-цзы все еще покоилась на его лице. Впервые в жизни кто-то так бережно утирал его слезы, и это непривычное ощущение заботы заставило его сердце екнуть. В груди разлилось щемящее тепло.

— Наставник... — робко позвал он. — Шицзунь, что с вами?

Очнувшись, Цзисин-цзы торопливо отдернул руку, сжав пальцы в кулак, словно пытаясь удержать ускользающее ощущение чужого тепла.

Глядя на заплаканное, светящееся искренней признательностью лицо Гэ Хуаня, он почувствовал, как к горлу подкатывает горький ком. Он ведь твердо решил, что даже если ему суждено навеки застрять в этой чертовой новелле, он сделает все, чтобы уберечь этого несчастного парня. Но системное предупреждение прозвучало как гром среди ясного неба. Будешь ласков с героем — тебя сотрут из бытия. Будешь мучить его — он вырастет, возненавидит тебя и убьет в финале. Куда ни кинь, всюду смерть. Разница лишь в том, что во втором случае оставался призрачный шанс вернуться в свой мир.

Перед ним встал неразрешимый выбор.

— Гэ Хуань, — глухо, со странной хрипотой в голосе произнес Цзисин-цзы, отводя взгляд. — Сходи позже во дворец Песчаного Сада, попроси лекарей подобрать тебе мази. У меня...

появились срочные дела.

Юноша покорно кивнул, продолжая мягко улыбаться:

— Хорошо, шицзунь. Я все сделаю.

В этот раз сбежать поспешил сам Цзисин-цзы. Ему стоило огромных усилий не обернуться. Стоило ему лишь взглянуть на это чистое, беззащитное лицо, как в душе поднималось непреодолимое желание защитить Гэ Хуаня от всех невзгод, укрыть его от жестокости этого мира, стать для него надежным пристанищем.

Для любого преданного читателя спасти любимого персонажа — предел мечтаний. У него была такая возможность, но Система связала его по рукам и ногам. Теперь ему придется ломать и истязать этого невинного мальчика. Цзисин-цзы зажмурился: перед глазами стояла доверчивая улыбка Гэ Хуаня. Скоро эта улыбка угаснет навсегда. На смену ей придет безумный, зловещий оскал темного владыки, который вернется, чтобы вырезать весь орден до последнего человека. И его, Цзисин-цзы, казнят первым. Умереть от руки ожесточившегося ученика было не так страшно — страшнее всего было то, что он сам должен приложить руку к его падению. И от этой мысли его выворачивало наизнанку.

В оригинальном сюжете после Собрания Героев Цзисин-цзы должен был обнаружить у своего ученика уникальное природное духовное ядро и задаться целью во что бы то ни стало забрать его себе. Настоящий Цзисин-цзы был чудовищем. Круглый год его тело оставалось холодным как лед, а с наступлением заморозков яд проникал в самые меридианы, принося невыносимые муки, от которых хотелось выть и молить о смерти. Будучи нелюдимым, непредсказуемым и вечно хмурым затворником, он ни с кем в ордене не поддерживал дружеских связей. Единственным его близким человеком был ученик — но именно Гэ Хуаня он в итоге и обрек на страшные пытки.

В смятении чувств Цзисин-цзы принял решение пока не возвращаться на гору Возвращения.

Шли месяцы. На горе Возвращения Гэ Хуань остался в полном одиночестве. Его дни превратились в череду унылого однообразия: он просыпался на рассвете, прилежно практиковал заклинания и в строго отведенные часы отправлялся на поиски пропитания.

Стоило ему спуститься к трапезной на горе Белых Плодов, как соученики тут же бросались врассыпную, словно завидев заразу. С ним никто не заговаривал, но Гэ Хуаня это мало заботило. К одиночеству ему было не привыкать, а отсутствие лишнего внимания даже радовало — по крайней мере, никто больше не лез к нему с кулаками.

Техника Сокрушительной Иллюзии поддавалась ему удивительно легко. Теперь созданные им образы были не просто красивой картинкой для забавы, а обрели настоящую силу. Юношу

переполнял восторг. Каждый день он проводил у границ защитного барьера, вглядываясь в тропинку в надежде увидеть наставника и поделиться с ним своими успехами. Но раз за разом его ждало лишь разочарование.

Лепестки персика кружились в воздухе, но теперь каждый из них таил в себе смертельную угрозу. Чем мрачнее и тяжелее становилось у него на душе, тем острее и безжалостнее разили летящие цветы. Магия следовала за порывами его сердца, подчиняясь малейшему изменению настроения. Он добился своего, техника была освоена, но былой радости Гэ Хуань почему-то не чувствовал.

По логике вещей, отсутствие грозного наставника должно было принести ему облегчение. Прежде он спал и видел, как бы оказаться подальше от Цзисин-цзы. Но теперь, когда его желание исполнилось, в груди поселилась гнетущая пустота. Он ловил себя на том, что тоскует по наставнику до щемящей боли в сердце.

Стоило ему вспомнить те проникновенные слова, коснувшиеся самых глубин его души, и то, как бережно наставник стирал слезы с его лица, как сердце начинало бешено колотиться. Разве мог злодей из романа быть настолько нежным, понимающим и вдобавок ко всему невероятно красивым? Этот образ никак не вязался с описанным в книге жестоким тираном.

Из раздумий его вывел резкий голос:

— И где твой учитель?

Вздрагнув, Гэ Хуань обнаружил, что перед ним стоит гостья. Он поспешно склонился в вежливом поклоне:

— Приветствую Почтенную Пяти Духов.

— Я тебя спрашиваю, где Цзисин-цзы? — нетерпеливо спросила Лин Мэй.

— Младший не знает, — тихо ответил Гэ Хуань. — Наставник ушел три месяца назад и с тех пор не возвращался.

Голос Лин Мэй всегда казался ему странным — слишком высоким, певучим, с выраженными женскими нотками. Юноша украдкой бросил на нее взгляд. Почтенная Пяти Духов действительно отличалась утонченной красотой: шелковистые длинные волосы, тонкие черты лица и расписной веер в руках придавали ей изящный, пусть и слегка вычурный вид.

Лин Мэй недовольно нахмурилась:

— Вот как? И он даже не удосужился предупредить тебя, куда направляется?

— Я всего лишь его ученик, — смиренно отозвался Гэ Хуань. — Разве я смею расспрашивать наставника о его делах?

Лин Мэй с тихим шелестом раскрыла свой веер и с улыбкой посмотрела на юношу:

— И то верно. Хотя, признаться, Цзисин-цзы очень дорожит тобой. Подумать только, устроить такой скандал с главой ордена из-за Зала Зависти к Благородному Мужу! Но сейчас я смотрю на тебя... слабый, да и талантами обделен. Ума не приложу, с чего вдруг он так рьяно бросился тебя опекать.

Договорив, она бесцеремонно протянула руку и ущипнула Гэ Хуаня за мягкую щеку:

— А кожа у тебя нежная. Да и лицом ты вышел, смазливый малый.

Гэ Хуань проигнорировал колкость и странное панибратство гостьи. В его ушах набатом зазвучали другие слова.

— Наставник... поссорился с главой ордена? — спросил он.

Лин Мэй убрала руку и небрежно махнула веером:

— О да. Стоило вам тогда уйти, как он вернулся к Лань Чжэньтяню. Они долго спорили за закрытыми дверями и разошлись, так и не придя к согласию. Глава ордена в ярости даже стол расколотил. И знаешь, что я думаю? Никакого поединка с А-Цином не было. Тебя избил Фэн Цзыянь, верно?

Гэ Хуань растерянно моргнул:

— Откуда вы...

— Глупости, это ведь было очевидно для любого, у кого есть глаза, — фыркнула она. — На следующее же утро Фэн Цзыяню кто-то переломал ногу. Скажи мне, кто еще, кроме твоего безумного наставника, мог пойти на такое? С тех пор Цзисин-цзы забросил все дела, перестал являться на Совет Четырёх Почтенных и просто испарился. Глава ордена рвет и мечет, но вмешиваться не желает. Почтенный Глава Шаманов жаждет расплаты за своего покалеченного ученика, да только пробиться сквозь барьер твоей горы ему не под силу. Почтенному Утреннему Свету на все наплевать, вот и пришлось мне самой сюда тащиться.

Гэ Хуань застыл, не в силах вымолвить ни слова от потрясения. Фэн Цзыяню сломали ногу... И сделал это его наставник, чтобы отомстить за него!

Юноше снова предательски защипало в глазах от подступающих слез.

— Но... но я действительно не знаю, где он, — тихо, шмыгнув носом, произнес он. — Я бы и сам очень хотел это выяснить.

<http://bllate.org/book/19556/2039140>